

Мария Магдалина Картер неподвижно стояла на кухне, у ее ног лежали шесть разбитых тарелок, которые она только что уронила. Она была потрясена, ее первой мыслью был муж, что бы он сказал, что бы он сделал, особенно с ней.

Тарелки были антикварные, не совсем редкие и незаменимые, но они принадлежали ее мужу. Он купил их на деньги, которые ему подарил родственник в день их свадьбы двадцать лет назад. С тех пор она жалела об этом браке, но, будучи набожными религиозными людьми, у нее не было другого выбора, кроме как смириться с этим.

Они были прихожанами своей церкви, занимались сбором средств, звонили в колокола, работали в церкви каждый день, занимались уборкой, ремонтом. Но больше всего они придерживались религиозных взглядов, больше всего изучали чтение Библии. Ее муж вырос во властного человека, ведущего крестовые походы, одним из которых было чтение Библии. Он ожидал, даже требовал, чтобы жена следовала его примеру, и Мэри, будучи мягкосердечной и, по сути, мышью для его льва, отдала все свои мирские блага и подчинилась ему до конца.

Мария, будучи тихой набожной и консервативной христианкой, была также, под убогой одеждой, которую она носила, поразительно красивой женщиной. Она была высокого роста - 5 футов 10 дюймов, ее мягкие волосы всегда были убраны в пучок. Но ночью она распускала их и расчесывала до боли в руках. Она была полновата, у нее была упругая грудь, даже в сорок лет. Ее фигура все еще была удивительно хороша, в немалой степени благодаря труду, который она прилагала дома и в церкви. И она задавалась вопросом, наступит ли когда-нибудь в ее жизни день, когда она почувствует, что ее ценят.

И у нее были потребности, потребности, о которых ее муж не заботился и не заботился. Он заботился о своей собственной, используя Мэри. Но Мэри, за исключением очень редких случаев, никогда не получала удовлетворения от "Вам-бам", "спасибо, мама", которыми пользовался ее муж.

Мэри довольствовалась этой жизнью, она рассуждала, что Бог ждет ее, и она найдет свои желания в его объятиях, когда придет время. По крайней мере, в это она верила. Рональд не терпел никакой критики, он всегда был прав, он был набожен до крайности. У них даже была политика исключения света: "Когда Господь омрачает наш день, тогда мы омрачаем наши пути", - говорил он, и свет включать было запрещено.

Путеводным светом для Марии были двое ее детей, оба из которых были полными противоположностями. Ее сына, старшего из двух, звали Томас, ему было девятнадцать, а Ханне только что исполнилось восемнадцать. Томас был, так сказать, не из старых. Он был крепким парнем, на 4-5 дюймов выше своего отца, а теперь еще и перевешивал его. Он был бунтарем, не принимал никакого участия в том, что он называл религиозными махинациями своего отца, после того как он стал достаточно взрослым, чтобы решать, что он хочет делать, а не то, на чем настаивал его отец. Но он все равно был христианином.

Ханна действительно подражала своему отцу, иногда до ревности, часто порицая мать за ее неряшливость перед Господом. Но хотя она была дочерью своего отца в религиозном отношении, она была похожа на свою мать: высокая, темноволосая и очень привлекательная.

Ее внешность, хотя она и пыталась скрыть ее, была чувственной во всех отношениях. Ее отец, конечно же, обожал свою любимую дочь и жалел сына за то, что тот сошел с пути праведности. Томас считал себя нормальным мальчиком в собственных глазах, ему нравились девочки, он пробовал косячок и принимал алкоголь.

Но он также хорошо учился в школе и преуспевал в учебе, как и Ханна. И он всегда был начеку, чтобы найти возможность помочь себе. У него никогда не было проблем с сотрудниками правоохранительных органов. Но несколько раз он плыл по ветру.

Сейчас, когда Мария осознала, что она натворила, Рональд был бы более чем в ярости: за последние двадцать лет он не раз давал Марии, как он называл, урок от Господа за то, что она заблуждалась в своих поступках. Другими словами, хорошую пощечину! Теперь Мэри видела, что после этого на горизонте определенно появится еще одна.

Ее муж не был плохим человеком, но он был неприятным человеком, задирой, и, как все задиры, в душе он был трусом. Вначале он был просто глубоко религиозным человеком, но теперь это переросло в ревностную черту. Он был очень успешным бизнесменом. Деньги для него были не проблема, их дом был отдельной квартирой с семьей спальнями, но его правила заключались в том, что они жили в религиозном прошлом.

В доме было темно, но не промозгло, а деревянные панели, высокие потолки, глубокие карнизы, для любящей семьи это мог быть дворец. Но для Мэри и детей, когда они подросли, это было место, которого следовало бояться. Но Томас, когда вырос, стал не ненавидеть отца, а игнорировать его до такой степени, что не разговаривал с ним, если не было необходимости.

Рональд был трудоголиком, он выполнял работу трех человек, экономя компании тысячи и тысячи в год. Но сейчас, в 48 лет, он был ходячим инфарктом, который только и ждал, чтобы случиться. Он сильно набрал вес, не занимался спортом и пил виски по бутылкам, но это никак не влияло на его резкий язык, когда он выходил из себя.

Томас вошел на кухню и увидел свою мать, которую очень любил, она была в слезах и с дрожью в глазах. Он часто говорил своей матери, чтобы она покинула эту гнилую семью и начала новую жизнь. Мэри, конечно, была в ужасе от того, что он использовал такие ругательства, и защищала своего мужа, на что Томас насмехался над ней.

"Мама, - сказал он и встал рядом с ней, - что случилось, ты это сделала?" "Да, - рыдала она, - что скажет твой отец, Боже мой, что мне делать, он будет так зол на меня". Томас почувствовал в ней страх и напряжение, поэтому он бросился действовать. Он схватил щетку и сковороду, подмел все осколки, отнес их в мусорный бак на улице и выбросил.

"О, спасибо, дорогой", - пролепетала она, - "но твой отец увидит их отсутствие в воскресенье, когда захочет поужинать". Его отец всегда ужинал на тарелках и посуде, единственное время, когда они использовались, было воскресенье. Сейчас было утро понедельника.

"Мам, я без его ведома зайду в Интернет и попробую найти им замену, хорошо?" - сказал он.

Его отец не знал, что их сын использует дьявольские способы, он разрешил его в дом только в образовательных целях. Он не знал, что его сын разбирается в компьютерах и легко преодолевает все средства контроля, установленные его отцом. И не использовал молитвы Господа, чтобы избавить их от зла.

Томас поднял одну пластину, которая разломилась на две части. "Это дорого тебе обойдется, мама, он сойдет с ума, ты ведь знаешь это, не так ли?" сказал он ей. Мэри была в смертельном страхе, он побьет ее, она знала это. "Да, Томас, я знаю, что произойдет, я сделаю для тебя все, что угодно, пожалуйста, помоги мне, пожалуйста?" Она действительно была в ужасе, и сын искренне жалел ее. Но в то же время в его голове зародилась идея.

Несколько недель назад он начал тайно подглядывать за матерью, и теперь он знал, что под всей этой шерстью и ватой скрывается женщина редкой красоты. И это может стать тем самым способом, с помощью которого он сможет увидеть гораздо больше. Был вечер воскресенья, его мать оставила тарелки, а ее муж отправился в церковь, чтобы поговорить с отцом.

"Если это можно сделать, мама, мы должны прийти к какому-то соглашению, да?" - сказал он. "Да, Томас, да", - с надеждой ответила она. "Я серьезно, мама, ты заплатишь мне за дорогу", - повторил он. Мэри согласилась бы на что угодно, лишь бы выбраться из той неразберихи, которую она только что создала. Томас достал клей и скрепил две половинки вместе, сфотографировал пластину, измерил ее, снял столько деталей, сколько смог. Название производителя, идентификационный номер и дату.

Вооружившись таким образом, он сел за компьютер и отправился по всему миру, используя все социальные сети, какие только смог найти. Он добавил фотографии, детали, размеры, глубину, все. Он исследовал антикварные магазины и дилеров. Через 24 часа у него была находка, она была в маленьком магазине в 100 милях от места, где он жил, он позвонил туда и с тарелкой в руках отправился посмотреть, как выглядят идентичные тарелки.

Когда он увидел их, он понял, что это то, что ему нужно, единственное различие было в том, что каждая пластина была на $\frac{1}{4}$ дюйма меньше. Он знал, что это не имеет никакого значения, его отец ни за что не догадается об этом, сказал он себе. Он купил тарелки, которые были дорогими и почти обчистили его банковский баланс, но его это не волновало. У него на уме были более важные вещи, чем просто деньги.

Во вторник утром Томас показал матери одну из тарелок. "Как ты думаешь, мама, достаточно хорошо, как ты думаешь?" - поддразнил он. Мэри задохнулась, сначала от удивления, а потом от восторга: "О Томас, возможно, ты только что спас мне жизнь, о Томас, спасибо, спасибо, спасибо". Томас глубоко вздохнул: "Сейчас или никогда, Томми, делай или умри", - прошептал он мысленно. "Не забывай о нашей договорной матери, ты что-нибудь сказал?" "Но Томас, есть только одна тарелка, мне нужно шесть, не так ли?" - тихо прошептала она. "Мама, пусть об этом беспокоюсь я, а не ты, мы договорились или нет?" "Да, Томас, есть, если только ты избавишь меня от моих проблем". сказала она ему. "О, я могу сделать это, мама, без проблем, вот увидишь, но это будет по одной тарелке за раз, пойдем со мной, мама, пожалуйста". Он сказал ей и пошел по коридору. Мэри нахмурилась, гадая, что задумал ее сын, но последовала за ним. Он поднялся по лестнице и вошел в свою спальню.

<http://erolate.com/book/2125/58988>